

МИЛА
Дуглас

кръв на белия пясък

ЧЕДЖУ

18+

Мила Дуглас

Чеджу. Танец любви

«Автор»

2025

Дуглас М.

Чеджу. Танец любви / М. Дуглас — «Автор», 2025

Света и Ки Чхан поверили, что кошмар позади. Они ошибались. Хан Джисон выходит на тропу войны, чтобы забрать то, что, как он верит, принадлежит ему. Чеджу из рая превратится в ад, а хрупкое счастье на курортном острове в Южной Корее — Чеджу будет зависеть от того, чья ярость окажется сильнее: его возмездие или их любовь. Первая книга серии — «Сеул: танец отчаяния»

© Дуглас М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От автора	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мила Дуглас

Чеджу. Танец любви

От автора

От автора

Дорогой читатель,

Прежде чем вы отправитесь в это путешествие, я хочу, чтобы вы начали его с самого начала – с книги «Сеул: танец отчаяния». Да, в новой книге вас ждет ХЭ, но путь к нему будет вымошен испытаниями, которые покажутся героям невыносимыми.

Я пишу эти строки, чтобы предупредить вас: эта история – не развлечение. Она родилась из тьмы, и она честна. Это роман о боли, предательстве и о том, как собрать по кусочкам свое разбитое «Я». В нем вы столкнетесь с детализированными сценами насилия, психологического абьюза и откровенными сценами (18+), которые служат одной цели – показать всю глубину падения и всю силу возрождения.

Я не оправдываю тиранов и не верю, что любовь исцеляет монстров. Я верю в жертву, которая находит в себе силы стать охотницей. Если вы ищете такую историю – историю, где сильная героиня борется и побеждает, – то вам сюда.

Сюжет построен как психологический триллер, с загадками и поворотами, но его сердце – это психологическая драма.

Берегите себя. Вы всегда можете сделать паузу, если почувствуете, что чтение задевает вас слишком сильно.

С любовью,

Мила Дуглас.

Глава 1

Океан на Чеджу был не синим. Он отливал жидким серебром, переливающимся под солнцем в дымчатом тумане. Волны не гремели, а тихо вздыхали, накатывая на черный вулканический песок шелковыми языками пены. Этот звук – мерный, древний, утробный – стал саундтреком их нового бытия. Прошел уже год. Год, за который раны на ее душе медленно, под чутким вниманием Ки Чхана, затянулись прочными рубцами. Света больше не вздрагивала от тихого щелчка двери. Здесь, на краю земли, власть Хана Джисона казалась химерой, кошмаром, приснившимся в другом измерении. И ей здесь нравилось бесконечно больше, чем в шумном, давящем Сеуле. Здесь был ее новый дом.

Света ходила к психологу, с которой они могли говорить часами. Доктор Ли, женщина с мягкими глазами и тихим голосом, стала проводником по заминированным полям ее памяти. Именно она дала имена тем демонам, что Света носила в себе.

– Насилие редко начинается с крика и удара, Светлана, хотя и такое бывает, – говорила доктор Ли. – Но чаще оно прорастает как семечко, с маленького, почти невинного замечания. «Эта юбка слишком короткая, на тебя будут смотреть», «Твои подруги тебя используют, я один тебя понимаю». Он не рушил вашу реальность одним махом, он подпиливал ветку, день за днем, пока вы не перестали доверять собственному мнению. Вы вдруг стали ничем, и ваша вина за это росла с каждым днем.

Света слушала, и кусочки пазла в ее голове с треском вставали на свои, ужасающие места. Вспомнились бесконечные упреки в неблагодарности, сцены жестокости, изоляция от внешнего мира под предлогом заботы о ее безопасности.

– Это называется «газлайтинг», – объясняла психолог. – Он заставлял вас сомневаться в собственном восприятии, в своей адекватности. Вы перестали доверять себе, а значит, стали полностью зависимы от его оценки.

Самым трудным было осознать, почему она не ушла. Почему терпела. Доктор Ли терпеливо объясняла механизм травматической связи.

– Он чередовал жестокость и моменты нежности. Это как лотерея. Жертва живет в надежде на «хорошие» дни, цепляется за них, оправдывая «плохие». Это формирует зависимость сильнее наркотической. Ваша психика была сломана и перестроена под него. Он создавал в вас ощущение, что вы постоянно ошибаетесь, что без него вы пропадете. Так абьюзер формирует связь. Вы извинялись за вещи, которые не должны были требовать извинений.

Самым трудным было осознать цикличность. Доктор Ли рисовала на листе круг.

– Он не был монстром двадцать четыре часа в сутки. Вот фаза нарастающего напряжения – он хмур, вы ходите по струнке. Вот взрыв – унижения, иногда физическое насилие. А вот что шло потом?

– Потом... – Света сжимала пальцы. – Потом он приходил с драгоценностями, покупал брендовые вещи. Говорил, что не контролирует себя, потому что слишком любит. И мы переживали такой яркий, сладкий период примирения. Я думала: вот он, настоящий, Джисон.

– Именно, – кивала доктор Ли. – Это «медовый месяц» и был тем крючком, который держал вас в ловушке. Вы жили от одного «хорошего» периода до другого, надеясь, что этот – последний, оправдывая все ужасы, что были между ними. Это классический цикл насилия: напряжение – инцидент – примирение – «медовый месяц». И так по кругу. С каждым витком ваши личные границы стирались все сильнее.

По вечерам, после сеансов, Света могла не спать всю ночь. Она перебирала в памяти эпизоды, прикладывая к ним новые, страшные ярлыки. «Цикл насилия». «Изоляция». «Патологический контроль». Ей было и стыдно, и горько, и невыносимо больно. Иногда ее охватывала ярость – не только на него, но и на саму себя, за свою слабость, за слепоту.

Справиться с этим ей помогали три вещи. Океан. Ки Чхан. И танец.

Океан был великим учителем. Она выходила на берег и кричала в шум прибоя все свои обиды и страхи. Или просто молча сидела, пока холодная вода омывала ее стопы, унося с собой частичку тяжелых мыслей.

Ки Чхан был ее тихой гаванью. Он никогда не говорил «я же предупреждал» или «надо было просто уйти». А был рядом. Его молчаливое присутствие, его руки, которые лечили и держали, были живым противоядием от ядовитой «любви» Джисона. С ним Света заново училась простым вещам: доверять, говорить «нет», быть собой, а не тем идеалом, которого от нее ждали.

И, наконец, танец. Она не репетировала «Лебединое озеро». Света танцевала свою боль. Назойливые воспоминания превращались в резкие, отрывистые движения. Чувство загнанности в угол – в серию стремительных пируэтов. А потом, на смену отчаянию, приходила медленная, тягучая пластика, рожденная шепотом океана и памятью о ласке Ки Чхана. Ее тело, бывшее объектом чужого вожделения и насилия, заново училось слушаться только ее. Оно становилось ее крепостью, ее языком, главным инструментом исцеления.

– Светлана-я, опять застыла, как цапля на охоте? – раздался сзади мягкий, знакомый до каждой интонации голос.

Света обернулась. Ки Чхан стоял в дверном проеме, опираясь о косяк. Его лицо, обычно сосредоточенное на приеме, было расслабленным, в уголках темных глаз затаились лучики морщинок – новые, появившиеся здесь, от солнца и, как она знала, от счастья. В руках он держал две чашки с парящим омуджи-ча, чаем из местных плодов.

– Не цапля, – улыбнулась Света, принимая свою чашку. Их пальцы встретились – ее, изящные, несмотря на появившиеся мозоли от домашних дел, и его – сильные, пальцы целителя. – Лебедь. Помнишь? Тот самый, умирающий.

– Тот лебедь давно уплыл, – Чхан сделал глоток, его взгляд стал серьезным. – Оставив здесь очень сильную и немного упрямую женщину по имени Светлана.

Их жизнь была простой, наполненной тихим, семейным уютом. Он устроился физиотерапевтом в местную клинику, она – преподавателем балета для детей в небольшой студии. Денег хватало на еду, аренду и бензин для его старенького джипа. Эта простота была их главной роскошью.

Сегодня был день приготовления кимчи. На столе лежала груда пекинской капусты, паста из красного перца, имбирь и чеснок. Они работали молча, в слаженном ритме, ставшем для них музыкой быта. Чхан солил капусту, а Света готовила острую пасту, ее пальцы, привыкшие к изящным па, с неожиданной ловкостью замешивали густую, алую массу.

– Пахнет грехом и спасением одновременно, – рассмеялась она, поднося к нему ладонь, испачканную перцем.

Чхан поймал ее руку и притянул к себе. Его губы коснулись ее запястья, слизывая каплю острой пасты.

– Спасением, – поправил он тихо. – Только спасением.

Его взгляд стал томным, тяжелым. Чхан не отпускал ее руку, а другой обнял за талию, прижимая к столу. Запахи чеснока, перца и моря смешались в головокружительный коктейль.

– Чхан, кимчи... – попыталась протестовать Света, но голос ее дрогнул.

– Подождет, – прошептал он ей в губы, и его рот нашел ее.

Этот поцелуй был не таким, как обычно – не нежным и исследующим, а стремительным, властным, голодным. Пахнущий остротой перца и соленым потом. Он кружил голову сильнее любого вина. Его руки скользнули под просторную футболку, сдвигая ее одним движением. Света ответила с той же дикостью, расстегивая его рабочую рубашку, жадно касаясь горячей кожи.

Чхан поднял ее и усадил на край кухонного стола, смахнув на пол несколько кочанов капусты. Холодная столешница обожгла кожу, а его тело, прижавшееся к ней, было огнем. Он снял с нее штаны, и они упали на плитку. Его пальцы, еще пахнущие солью, скользнули между ее ног, находя влажную готовность. Света вскрикнула, впиваясь ногтями в его плечи.

– Хочу тебя всего, – потребовала она, задышавшись. – Сейчас.

Чхан вошел в нее резко, заполняя собой все пространство, вытесняя прошлое, боль, страх. Здесь, на кухне, среди разбросанных овощей и специй, под аккомпанемент шума океана, это было дико, по-земному, по-настоящему. Ее ноги обвили его талию, Света отвечала на каждый его толчок, встречая его с той же яростью и страстью. Это не был танец нежности. Это был танец жизни, плоти и крови, утверждение их права на это счастье, этот дом, эту совместную жизнь.

Он кончил с глухим стоном, зарывшись лицом в ее волосы. Ее собственное тело взорвалось волной блаженства, заставившей ее выгнуться и крикнуть, не стесняясь своего голоса.

Они обнимались так еще несколько минут, тяжело дыша, их тела слипшиеся, блестящие от пота пахли сексом, чесноком и морем.

– Наше кимчи теперь будет с особым соусом, – хрипло рассмеялся Чхан, целуя ее в макушку.

Света рассмеялась в ответ, чувствуя, как счастливые слезы подступают к глазам. Это и был их рай. Непричесанный, настоящий, без глянца.

На следующий день Светлана собрала ему обед. Не просто доширак или сэндвич, а красивый ланч-бокс, пирам-досик: рис, омлет, маринованная спаржа, несколько идеально слепленных манду (пельмени) и, конечно, их вчерашнее, «особое» кимчи.

Клиника, куда она пришла, была небольшим двухэтажным зданием с панорамными окнами, выходящими на море. Воздух пахал антисептиком и сушеными травами.

– Аннёнгхасейо, Светлана-сси! – хором приветствовала ее медсестра Пак, вечно улыбающаяся женщина лет пятидесяти.

– О, наша танцовщица пришла! – крикнул из-за угла старый массажист Ким, показывая большой палец. – Чхан-сам-ним сегодня с утра как на иголках, все на часы поглядывал!

Ее встречали как свою. Как часть этого маленького мира. Для них она была не беглой русской балериной, а просто Светланой, женой доктора Ки, милой и талантливой женщиной.

Ки Чхан как раз заканчивал прием. Дверь в его кабинет была приоткрыта, и она увидела, как он, склонившись над пожилой пациенткой, что-то терпеливо объясняет, его лицо было сосредоточено и добро. Сердце Светланы сжалось от любви.

Он поднял взгляд и увидел ее. Его лицо озарилось такой безоговорочной, такой светлой радостью, что у нее перехватило дыхание.

– Извините, жена пришла! – сказал он пациентке, извиняясь, и вышел в коридор.

– Принесла тебе поесть, – Света протянула ланч-бокс, чувствуя себя немного глупо и по-детски счастливо.

– Ты спасла мне жизнь, – Чхан взял коробку, его пальцы ненадолго сомкнулись вокруг ее пальцев. – Я умираю с голоду.

Он представил ее новому коллеге-врачу, который как раз проходил мимо.

– Моя жена, Светлана. Преподает балет.

Гордость в его голосе была самым дорогим комплиментом в ее жизни.

Света ушла от него с легким сердцем, с ощущением, что ее жизнь, наконец, сложилась в правильный пазл. Возле их дома она задержалась, чтобы полюбоваться на свой скромный садик с гортензиями, который она сама разводила.

И только подойдя к калитке, она заметила, что их старый ржавый почтовый ящик слегка приоткрыт. Внутри, среди рекламных проспектов и счетов, лежал небольшой конверт без марки и обратного адреса. Внутри была единственная фотография.

Старая, чуть замыленная, вырезанная из какой-то программы. На ней она, Светлана, лет шестнадцати, в пачке и пуантах, запечатленная в прыжке на сцене Мариинского театра. На обороте, тем же бездушным компьютерным шрифтом, что когда-то вывел ее имя на роковом конверте, было всего два слова:

«Я скучаю. Дж.»

Сердце на мгновение замерло, и по телу пробежала ледяная волна. Старая паника, знакомая до тошноты, сжала горло. Но длилось это лишь секунду. Потом Света выпрямила спину, как учила доктор Ли в упражнениях на заземление. Она ощутила под ногами твердую землю Чеджу, вдохнула соленый воздух, услышала крик чаек. Вспомнила крепкие руки Ки Чхана на своей талии и свой собственный смех на кухне.

Света не бросилась в дом в слезах. Не стала рвать фотографию. Она просто взяла конверт, ее пальцы не дрожали. Тихий ужас шевелился в животе, но он больше не управлял ею. Она обернулась, к дому, к океану, к ее жизни.

Игру в прятки объявили досрочно. Но на этот раз Света была готова. Она была не жертвой, а воином, знающим своего врага и, что важнее, знающим свою силу. Танец отчаяния мог начаться снова, но теперь у нее были доспехи и щит – в виде любви, которую она наконец научилась принимать.

Глава 2

Океан утихомирился, загадочно замер, превратившись в зеркало, предвещающее будущий шторм. Воздух на Чеджу стал тягучим, влажным и в небе собирались первые тучи. Света стояла на пороге дома, вглядываясь в набегающую на берег мглу, и чувствовала, как старый, знакомый до костей трепет шевелится под кожей. Это было необъяснимо. Иррационально. Как внезапно зазвучавшая за спиной музыка из забытого кошмара.

Загадка пришла с туманом. Сначала – лишь смутный силуэт вдали, на пустынной дороге, ведущей к их дому. Человеческая фигура, двигавшаяся медленно, неуверенно, будто призрак, заблудившийся между мирами. Он был слишком худой, почти прозрачный в сером свете надвигающегося вечера. В его походке не было ни грации, ни цели – лишь опустошающая усталость, видимая невооруженным глазом.

«Турист что ли, – подумала сначала Света. – Сбился с маршрута».

Но что-то щелкнуло внутри, какая-то струна, дремавшая в глубине памяти, отозвалась резкой, тревожной нотой. Света инстинктивно сделала шаг назад, в тень веранды, превратившись из наблюдательницы в охотницу, почуявшую дичь.

Фигура приблизилась, и Свету будто ударило током. Лицо. Это лицо, тысячи раз виденное на гигантских билбордах в Сеуле, на экранах телефонов ее учениц, в глянцевах журналах. Но теперь оно было неузнаваемо искажено. Ни косметики, ни укладки, ни ослепительной улыбки. Только восковая бледность и огромные, горящие лихорадочным блеском глаза. Ли Минхо. Не кумир миллионов, а тень, изгнанная из собственной жизни.

Он не дошел до калитки, его ноги подкосились, и он рухнул на колени на мокрый от мороси песок, словно древний грешник, ищущий последнего причастия.

Именно в этот момент к дому подошел Ки Чхан. Он возвращался из клиники, на его лице застыла усталая, но спокойная улыбка, которую Света так любила. Улыбка человека, нашедшего свой дом. Его взгляд скользнул по ней, поймал ее оцепенение, а затем упал на фигуру у их ворот.

Реакция Чхана была мгновенной и безоговорочной. Врач в нем затмил все остальное. Он не удивился, не возмутился. Он увидел человека в беде.

– Минхо? – его голос прозвучал тихо, но твердо, разрезая влажный воздух.

Тот поднял голову. Его взгляд, мутный и потерянный, нашел Чхана, затем Свету. В нем не было ни радости узнавания, ни надежды. Лишь животная, бездонная боль.

– Они... они везде, – прохрипел Минхо, и его голос обычно такой яркий, казался призрачным, хриплым. – Нигде... нет места...

Ки Чхан, не говоря ни слова, шагнул вперед, поднял его с земли с той же профессиональной аккуратностью, с какой имел дело с тяжелыми пациентами, и, почти на себе, поволок в дом. Социальная пропасть между корейским врачом-мигрантом и звездой К-рор в этот момент не имела никакого веса. Один был спасателем. Другой – тонущим.

Света стояла как вкопанная, наблюдая, как эта тень из ее прошлого, ее личный позор и боль, переступает порог ее настоящего, ее убежища. Хрупкий мир, выстроенный с таким трудом, дал трещину с тихим, зловещим хрустом.

Очнулась она лишь в гостиной. Минхо сидел на их потертом диване, сжимая в дрожащих пальцах стакан воды, который дал ему Чхан. Он был похож на затравленного зверька, которого только что вытащили из капкана. Чхан молча осматривал ссадину на его лбу, его движения были точными и спокойными.

И тут в Свете все закипело. Тихий ужас сменился леденящей, всепоглощающей яростью.

– Что он здесь делает? – ее голос прозвучал как удар хлыста, слишком громко для этой тихой комнаты.

Чхан поднял на нее взгляд.

– Минхо в шоке, Света. Обезвожен. Ему нужна помощь.

– Помощь? – Света истерически засмеялась. – Ему нужна помощь? А у кого мы будем просить помощи, когда он приведет сюда этого придурка Джисона? Ты подумал об этом?

– Светлана, – мягко произнес Чхан, но она его не слышала. Вся ее исцеленная ярость, вся боль, которую она так тщательно хоронила в себе, вырвалась наружу.

– Я не хочу его видеть! – выкрикнула она, обращаясь уже к Минхо. – Ты понял? Ни секунды! Убирайся отсюда! Из моего дома!

Минхо дернулся, будто она ударила его. Его глаза, огромные и несчастные, наполнились слезами.

– Свет... прости... – он простонал. – Мне некуда идти.

– И что? Это разве моя проблема? – Света подошла к нему вплотную, и ее тень накрыла его. – Ты предал меня. Ты публично назвал меня ошибкой, провалом! Вывалял в дерьме. Ты сломал меня ради своей карьеры! А когда карьера все равно рухнула, ты приполз сюда? Искать утешения?

– Она не рухнула! – его голос внезапно сорвался на крик, полный отчаяния и ненависти, но не к ней. – Он ее уничтожил! Джисон! Даже из-за решетки, даже сидя в своей камере, он нашел способ! Утечки, компромат, давление на лейбл... Меня вышвырнули как отработанный материал! Мои же друзья по группе отворачиваются, когда я прохожу мимо! Он систематически стирал меня с лица земли! И он знает... – Минхо перевел дух, и его взгляд стал абсолютно безумным. – Он знает всё о вас. О вашей жизни здесь, на Чеджу. Он получает фотографии. У него длинные руки, Света. Очень длинные.

Тишина повисла в комнате, слышалось только тиканье старых часов. Слова Минхо падали, как камни, в тихий пруд их жизни, опускаясь на дно и поднимая всю грязь и страх, которые они так старались похоронить.

– Я не привел его, – прошептал Минхо, и в его голосе слышалась детская мольба. – Я его ненавижу. Он использовал и сломал нас обоих. Позволь... позволь мне просто пожить здесь. Несколько дней. Папарацци и нетизены... они разорвали бы меня на части, если бы нашли. Я чуть не свихнулся от всего этого. Я больше не могу быть один.

– Нет, – ответила Света с ледяной четкостью. Ее сердце бешено билось, но разум был ясен. – Терпеть не могу тебя. Твое присутствие... оно как яд. Ты приведешь сюда Джисона. Он уничтожит всё, что мы построили.

Света закрыла руками лицо. Ки Чхан медленно подошёл к ней, и положил руки ей на плечи, сообщая – «Я здесь, родная, не бойся».

– Джисон уже здесь! – крикнул Минхо, вскакивая. – Не понимаешь? Он везде! В каждом взгляде незнакомца, в каждой случайной машине! Мы никогда не будем в безопасности! Никогда!

В этот момент вмешался Ки Чхан. Он встал между ними, не как защитник, а как разделитель, как стена.

– Хватит, – сказал он тихо, но так, что оба замолчали. Он посмотрел на Свету, и в его глазах не было упрека, лишь глубокая, всепонимающая печаль. – Света, посмотри на него. Он не враг. Он всего лишь мальчишка, которого сожрала и выплюнула система, сильнее его. Та же система, что чуть не сожрала тебя.

– Он сделал свой выбор! – не сдавалась она, но в ее голосе уже появилась трещина.

– Прощение, – Чхан сделал шаг к ней, – это не то, что нужно заслужить. Это то, что нужно просто... отпустить. Иначе его груз будет тянуть тебя на дно вместе с ним. Света, освободись от этого груза. Отпусти, милая.

Его слова достигли цели. Они не были пафосными. Его мысль всегда практичная, как все, что он делал. Врач, ставящий диагноз ее душе. Света смотрела на Минхо – этого сломанного,

испуганного юношу, в котором не осталось и следа того ослепительного бога, что когда-то разжег в ней огонь. И видела не кумира, не предателя. Видела еще одну жертву в длинной череде жертв Хана Джисона. Еще одного изгнанника из того сияющего ада, что они когда-то называли жизнью.

– Какой же ты жалкий, Минхо!

Ее ярость ушла, оставив после себя лишь горькую, соленую усталость, как после долгого плача. Она не простила его. Прощение было слишком громким словом для той тихой пустоты, что воцарилась внутри. Она просто... отпустила, как сказал Ки Чхан. Позволила этой тени из прошлого остаться в ее настоящем, понимая, что их судьбы, как осколки одного разбитого зеркала, были связаны навсегда.

Глава 3

Ворота тюрьмы закрылись за его спиной с глухим, окончательным щелчком. Хан Джисон сделал глоток свободного воздуха. Он был холодным, колючим, пахнущим бетонной пылью и далеким морем. Не воздух жертвы, вышедшей на исправление. Воздух хищника, вернувшегося в свои владения.

Тюрьма не сломила его. Она его закалила. Как сталь, опущенная в ледяную воду. Джисон сел за решетку богатым, человеком, играющим в божество. Он возвращался аскетом, чья власть заключалась не в деньгах, а в непоколебимой воле. Его костюм, идеально сидящий, подчеркивал его мускулистое поджарое тело. Лицо потеряло последние следы мягкости, обнажив идеальный, безжалостный каркас черепа. Глаза, всегда холодные, теперь были абсолютно плоскими, как поверхность черного озера в безлунную ночь. В них не было ни злобы, ни торжества. Лишь фокусировка. Точная, как у снайпера.

Его не встречал роскошный лимузин с подобострастным адвокатом. У обочины, в сотне метров от ворот, стоял черный, немаркированный фургон «Хёндэ». Рядом с ним, прислонившись к бамперу, курил мужчина. Он был невысок, коренаст, одет в простую черную куртку и такие же штаны. Его лицо было испещрено шрамами, а взгляд был тяжелым и спокойным, как у старого бульдога, выдавшего всякое. Это был Ву Ким, он же «Стальной Цветок», глава сеульского филиала триады «Красный Дракон».

Джисон ровным шагом подошел к фургону. Никаких приветствий, никаких поклонов. Они измерили друг друга взглядами – вышедший на волю аристократ преступного мира и его боевой пес.

– Ву-сан, – произнес Джисон. Его голос был тихим, но он резал влажный воздух, как лезвие.

– Хан-сам, – кивнул Ву Ким, бросив окурок и раздавив его каблуком. – Добро пожаловать на свободу.

Он открыл заднюю дверь фургона. Внутри не было сидений, только два ящика. В одном – свежая одежда, дорогая, но неприметная. В другом – оружие, телефоны, паспорта и пачки денег разной валюты. Рабочие инструменты.

Джисон молча переоделся прямо на улице, скинув костюм, как змея сбрасывает старую кожу. Его движения были экономичными, лишены суеты. Он не спрашивал, как дела. Джисон знал. Каждый его вложенный до ареста доллар работал. Его паутина, которую он плел годами, не распалась. Она лишь замерла в ожидании хозяина.

– Отчет, – сказал Джисон, когда фургон тронулся.

Ву Ким, сидя за рулем, говорил ровно, без эмоций, как опытный управляющий.

– Лейбл «Старлайт» обанкротился. Активы, которые вы указали, выкуплены через подставные компании в Нидерландах и на Кайманах. Ваш бывший партнер, господин Ли, решил посвятить себя благотворительности после того, как его сын попал в серьезную аварию на гоночном треке. К счастью, остался жив.

Джисон кивнул. Он и не сомневался. Его взгляд упал на планшет, лежащий на центральной консоли. На экране – спутниковая карта. Красивый остров Чеджу. Один из домов был обведен красным кругом.

– Они там? – спросил Джисон, и в его голосе впервые прозвучала некая нота. Не волнение. Собственнический интерес. Как коллекционер, спрашивающий о местонахождении своей самой ценной, украденной вещи.

– Да, – Ву Ким свернул на пустынную дорогу, ведущую к частному аэродрому. – Доктор Ки Чхан работает в местной клинике. Она преподает балет детям. Живут скромно. Никаких связей с прошлым. Думают, что спрятались.

На губах Джисона появилось нечто, отдаленно напоминающее улыбку. Это было страшнее любой гримасы ярости.

– Она так наивна. Я бы нашел ее везде. Среди миллиардов женщин. Ничто не забывается. Никто не теряется. Нужно лишь знать, где искать и кому платить.

– Хм, ещё один момент, за вами установлено наблюдение, – продолжил Ву Ким. – Со стороны прокуратуры. Мы их отшили. Пока. Они не ожидали, что вас встретим мы.

– Они многого не ожидают, – отрезал Джисон. – Они думают, что посадили преступника. Они не понимают, что выпустили на волю охотника. А он пулю не боится.

Джисон взял планшет и увеличил изображение. Дом. Ничем не примечательный. Сад. Он разглядел крошечные фигурки – одну поближе к дому, другую у океана.

– Он с ними? – спросил Джисон, его палец указал на третью, мужскую фигуру, которая появилась на изображении, выйдя из дома.

– Да. Ли Минхо. Он нашел их две недели назад. Пресса об его исчезновении уже утихла. Все думают, что он находится на реабилитации после срыва.

– Хорошо, – Джисон отложил планшет. – Наблюдение продолжать. Никакого вмешательства. Ни одного лишнего взгляда в их сторону. Я не хочу пока...ее пугать.

– Приказ? – спросил Ву Ким, бросая на него быстрый взгляд.

Джисон повернулся к окну. За стеклом проплывали огни Сеула – города, который когда-то был его игровой площадкой, а теперь стал всего лишь точкой на карте.

– Паук не бежит за мухами, Ву-сан. Он плетет паутину. И ждет. Мухи сами прилетят, почуяв вкусное. А потом... – он замолчал, и в салоне фургона повисла звенящая тишина, – потом он медленно обернет их шелком, который прочнее стали. Я ждал целый год, позволил ей думать о свободе. Я могу подождать еще немного. Чтобы насладиться моментом.

Фургон подъехал к частному самолету. Не к показному «Гольфстриму», а к функциональному, быстрому бизнес-джету, который нельзя было отследить.

– Куда летим, хан-сам? – спросил Ву Ким.

Джисон вышел из фургона. Ночной ветер трепал его коротко стриженные волосы.

– В Шанхай. У «Красного Дракона» там есть друзья. Мне нужно обсудить с ними логистику. Мой лебедь находится на острове. И нам потребуется очень, очень много шелка, чтобы доставить ее домой. Целиком и невредимой.

Джисон поднялся по трапу, не оглядываясь. Его тень, длинная и безжалостная, упала на взлетную полосу. Охота, прерванная на целый год, начиналась снова. Но на этот раз правила диктовал не чеболь, не закон, не общественное мнение. Правила диктовал Паук. И его первым правилом было терпение. А вторым – абсолютное, безраздельное владение.

Глава 4

Света несла домой пакет с продуктами, купленными в местном магазинчике. Простой ужин. Уютная жизнь. Внутри нее, как отзвук далекой музыки, тихо пела тишина и покой. Она почти поверила, что так будет всегда. Почти.

Первое, что она увидела, подойдя к дому, была распахнутая настежь дверь. Дверь, которую они всегда запирали, даже уходя ненадолго. Второе – примятые кусты гортензии у крыльца. Третье – глухой удар, доносящийся изнутри, и приглушенный стон.

Ледяная волна прокатилась по ее спине. Пакет выскользнул из ослабевших пальцев, апельсины покатались по земле, как яркие, бесполезные шарики. Она не думала. Света побежала.

В гостиной царил хаос. Перевернутый журнальный столик, валяющаяся на боку ваза с полевыми цветами. И четверо мужчин. Ки Чхан лежал на полу, прижимая руку к окровавленному разбитому носу. Над ним, встав в полный рост, возвышался Хан Джисон.

Он был одет в идеально сшитый темный костюм, который выглядел чужеродно и пугающе в их скромном доме. Его лицо было спокойным, почти скучающим. Джисон смотрел на Чхана не с ненавистью, а с холодным, научным любопытством, оценивая как его лебедь прикипел душой к этому навозному жуку.

– И в кого же ты превратился, доктор? – голос Джисона был мягким, ядовитым. – Живешь в этой... конуре. Лечишь каких-то рыбаков. И мое сокровище заставил забыть об ее предназначении. Ты не мужчина. Ты – нищий, который украл чужую вещь и вообразил себя хозяином.

Света застыла в дверях, ее легкие отказались дышать. Мир сузился до этой картины: ее любимый человек, униженный и избитый, и ее кошмар, воплотившийся в плоть и кровь.

Джисон медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по ней, с головы до ног, фиксируя простую одежду, растрепанные ветром волосы, босые ноги в пыли. В его глазах вспыхнуло что-то темное и голодное.

– Стелла, – произнес Джисон, и ее старое имя прозвучало как плевок. – Как мило. Вернулась домой с рынка. Как настоящая островитянка. Такая примерная...хм, жена.

Джисон сделал шаг к ней. Света инстинктивно отпрянула, развернулась, чтобы бежать. Но в дверном проеме уже стояли двое коренастых мужчин в черном. Их лица были каменными. Путь был отрезан.

– Не убивай его, – выдохнула она, поворачиваясь к Джисону. Голос ее был хриплым от ужаса. – Пожалуйста. Не убивай его. Я сделаю все, что захочешь. Только не убивай.

Джисон мягко улыбнулся. Он подошел вплотную, его пальцы, длинные и холодные, коснулись ее щеки. Она вздрогнула, как от удара.

– Абсолютно все? – переспросил Джисон, и его пальцы скользнули в ее волосы, сжали их у корней, запрокидывая ее голову назад. Больно. Унизительно. – Готова даже подписать развод с этим нищесбродом и снова стать моей? Вернуться навсегда ко мне? Стать моей Стеллой?

– Света... не надо... – прохрипел с пола Ки Чхан. Его правый глаз уже заплывал. – Из-за меня... не стоит, милая...

Джисон, не отпуская Свету, с разворота ударил его ногой в живот. Чхан издал сдавленный, горловой звук и согнулся, держась за живот. Света хватало ртом воздух, боясь, что перестанет дышать совсем.

– Я не разрешал тебе говорить, тварь, – сказал Джисон абсолютно ровным тоном. Он снова посмотрел на Свету. – Его заберут. В качестве залога. Залога твоего хорошего поведения. Если ты посмеешь ослушаться меня хоть в чем-то, с ним поговорят мои сотрудники. Более предметно.

Потом его взгляд упал на ее живот, еще плоский, но уже хранящий их с Чханом тайну.

– Мой сын, – произнес Джисон с непоколебимой уверенностью, – будет рожден в роскоши. В своем законном доме. А не в этой лачуге, пахнувшей рыбой и нищетой.

Что-то в Свете сломалось. Страх, парализовавший ее, сменился дикой, животной яростью.

– Это не твой ребенок, придурок! – закричала она, пытаясь вырваться из его хватки. – Ты никто! Ты ублюдок! Козел! Он никогда не будет твоим!

Джисон не рассердился. Напротив. Он смотрел на ее истерику с тем же холодным интересом. Его рука, все еще сжимающая ее волосы, потянула ее еще сильнее, заставляя смотреть ему в глаза.

– Ну что ж, – прошептал он, проводя большим пальцем по ее мокрой от слез щеке. – Снова тебя надо учить, моя маленькая русская дурочка. Ты так и не поняла, кто я? Я – твоя судьба. Твоя тюрьма и твой дом. Твой Бог и твой Дьявол. Все остальное – просто дурной сон.

Джисон кивнул своим людям. Двое мужчин грубо подхватили полубессознательного Ки Чхана и потащили к черному внедорожнику с тонированными стеклами, стоявшему за домом.

– Нееееееет! – закричала Света, но ее собственный крик словно застрял в горле. Ее схватили под руки, ее ноги заскользили по полу. Последнее, что она увидела, прежде чем ее втолкнули в машину, было лицо Джисона. Абсолютно спокойное. Маска победителя.

В сотне метров от дома, за большим валуном, притаился Ли Минхо. Он вернулся с прогулки раньше и увидел черный внедорожник. Инстинкт заставил его спрятаться. Теперь он слышал крики, видел, как выволокли Ки Чхана, как затолкали в машину Свету. Он видел Джисона.

Его всего трясло. Минхо кусал ногти до крови, чувствуя во рту вкус подступающей тошноты и страха. Его сердце бешено билось, требуя действия. Беги! Помоги! Сделай что-нибудь!

Но ноги были ватными. Голос парализован. Перед ним был не человек, а воплощение того кошмара, что сломал его жизнь. Хан Джисон. Всесильный. Беспощадный.

Машина тронулась и скрылась в облаке пыли. Минхо остался один. Сжавшийся в комок у валуна, он смотрел на пустой, распахнутый дом. Дом, который на несколько недель стал его убежищем.

«Что делать? – стучало в его висках. – К кому бежать?»

Полиция? Смешно. У Джисона полиция в кармане. Друзья? У него их не осталось. Пресса? Его объявят сумасшедшим. Он был один. Совершенно один. И единственный человек, который знал правду и был готов бороться, только что был похищен на его глазах. А он, Ли Минхо, бывший айдол, за которым когда-то бегали тысячи фанатов, не смог пошевелиться. Он мог только кусать ногти и плакать от бессилия и страха, как маленький мальчишка.

Глава 5

Минхо стоял, вжавшись в шершавую кору старой сосны, всего в сотне метров от дома Ки Чхана и Светы. Его пальцы судорожно сжали ствол, впиваясь в него, будто пытаясь найти опору в мире, который только что перевернулся.

Он видел всё. От начала до кошмарного конца.

Сначала из ворот вывели Ки Чхана. Доктор шел не по своей воле, его походка была неестественно прямой, а плечи – скованными. Лицо было в крови. Двое мужчин в темном плотно обступили его, и Минхо, с его врожденной проницательностью, уловил блеск металла под пиджаком одного из них. Сердце глухо забилося. Потом появилась она. Света. Её вели почти бережно, но рука охранника впилась в её локоть так, что даже на расстоянии было видно – это действительно больно. Её лицо было белым, как мел, и все в слезах, нижняя губа слегка дергалась. Лицо человека, который уже побывал в аду и теперь возвращается в него по знакомому маршруту.

И тут Минхо допустил роковую ошибку. Он сделал шаг вперед. Один-единственный. Сухая ветка хрустнула под его кроссовком с громкостью выстрела.

Глаза Светы метнулись в его сторону. Они встретились с его взглядом всего на долю секунды. В них не было надежды. Не было мольбы. Там был лишь леденящий душу ужас и... предупреждение. *«Стой! Не двигайся. Останься жив».*

Этот взгляд парализовал его сильнее, чем любое оружие. Он застыл, наблюдая, как их грубо запикивают в чёрный внедорожник с тонированными стеклами. Машина тронулась с места почти бесшумно и растворилась в сумерках, словно мираж. Кошмар, который невозможно отличить от реальности.

Он был слаб. Жалок. Танцор с накачанным телом и миллионами поклонников оказался беспомощным ребёнком перед лицом настоящего зла. Прямой штурм? Это было бы самоубийством. И убийством их. Мысль о том, что из-за его импульсивности с ними может случиться что-то непоправимое, заставила его желудок сжаться в тугую, болезненный комок.

Куда идти? В полицию? Джисон купался в деньгах и, наверняка, уже подкупил чуть ли не половину участка. Мысль о прессе вызвала у него тошноту. Заголовки вспыхнули в его воспаленном мозгу: «Айдол Минхо в центре скандала с похищением!», «Любовница чеболя и врач: что скрывает Ли Минхо?». Нет, пресса не спасёт Ки Чхана и Свету. Она его принесёт в жертву ради хайпа, растерзает, как стая голодных псов.

Инстинкт привел его туда, где Ки Чхан работал и где было его братство, основанное на клятве Гиппократ. В клинику Ки Чхана.

Доктор Ким, пожилой мужчина с мудрыми глазами, слушал его, не перебивая. Минхо, запинаясь и сбиваясь, выкладывал ему свою боль, стыд и ужас. Он говорил о черном внедорожнике, о пустом взгляде Светы, о своём собственном бессилии.

– Молодой человек, – голос доктора Кима был мягким, приятным, успокаивающим, – то, что вы описываете... это уже даже не похищение. Это демонстрация силы. В таких случаях протокол один – идти в полицию.

– Полиция?! – Минхо с силой провёл рукой по лицу, словно пытаясь стереть с себя пережитый кошмар. – Вы не понимаете. Они не будут искать. Они... они поставят галочку и закроют дело. А если придут журналисты... Они разорвут меня, Свету и Чхана на части. Сделают из него сообщника, извращенца, кого угодно! Его репутация... его жизнь... Их жизнь!

Голос Минхо сорвался. Он думал о тихом докторе, который помогал Свете, когда все остальные отвернулись. И эта благодарность сейчас могла стать для него смертным приговором. Доктор Ким тяжело вздохнул. Он снял очки и медленно протер их платком. В его движении была вся усталость мира, вся горечь от осознания собственного бессилия перед системой.

– Репутация, – произнёс он тихо, – это призрачная вещь, мистер Ли. Её можно восстановить. А вот жизнь... жизнь, увы, только одна. Вы правы, шум убьёт его быстрее, чем пуля. Значит, нужно действовать тихо. Но не в одиночку. Одиночка в джунглях – это добыча. Так говаривал, мой дед.

Минхо смотрел на него, и впервые за этот вечер в его сердце, сжато ненавистными тисками, шевельнулось что-то похожее на надежду. Слабый, едва тлеющий огонёк.

В это же время, в нескольких километрах, где море лизало борта ослепительно-белой яхты «Стелла», царила иная реальность. Реальность, выстроенная по прихоти одного человека.

Яхта была воплощением холодной роскоши. Гладкий полированный тик, сияющая нержавеющей сталь, безупречные линии. Плавно покачиваясь на лёгкой волне, она была похожа на уснувшего хищника. Джисон стоял на палубе, попивая виски. Его взгляд был устремлён на огни побережья, но мысли витали гораздо ближе. В трюме.

Светлана стояла перед ним, подобная изваянию. На ней было простое черное платье, которое он велел надеть. Оно делало её кожу ещё бледнее, а в глазах – ещё больше темноты.

– Подойди, – его голос был негромким, но она знала, что за неисполнение можно получить. Ей не было страшно за себя, но за Ки Чхана Света очень сильно переживала.

Она сделала шаг. Ещё один. Каждое движение давалось ей с трудом, будто она шла по колючей проволоке.

Джисон протянул руку и провёл пальцами по её щеке. Прикосновение было ледяным.

– Я скучал по тебе, Стелла. По этой коже...

Его пальцы скользнули ниже, к вырезу платья, к тому месту, где под тонкой тканью угадывались старые шрамы.

– По моим меткам на твоей коже. Они ведь никуда не делись, да? Ты должна помнить о том, кто ты. О том, кому принадлежишь.

Он наклонился ближе. Его дыхание, с примесью дорогого алкоголя, обожгло её губы.

– Поцелуй меня.

Это не было просьбой. Это был тест. Испытание на покорность.

Света закрыла глаза на секунду, собирая волю в кулак. Потом её губы, холодные и безжизненные, коснулись его. Он не стал углублять поцелуй. Ему было достаточно этого жеста капитуляции.

– Пока я тебя жалею, – прошептал Джисон ей в губы, – пока я помню о твоём... состоянии. Но я так соскучился по нашим ночам. Помнишь нашу первую ночь в пентхаусе?

Он отступил на шаг, давя на неё тяжестью своего взгляда.

– Нет, не так. Я хочу, чтобы ты рассказала. Расскажи, что тебе понравилось больше всего. Говори.

Её тело напряглось. Она попыталась отвести взгляд, но он поймал его и удержал.

– Ну, же, я сказал!

– Джисон... пожалуйста...

– Ох... Всегда с тобой так трудно! Говори! – его голос раскатился подобно удару грома, заставляя её вздрогнуть.

И тогда воспоминание нахлынуло на нее, сметая все барьеры. Не то, которое хотел он, а своё, настоящее, пропитанное болью и стыдом.

Он прижал её к стене с зеркалом во всю стену. Его руки были жесткими, почти грубыми, когда он стаскивал с неё платье, купленное им же. Она видела в отражении свое искаженное страхом лицо, его холодную, сосредоточенную маску победителя.

«Смотри», – прошипел он, входя в неё с одного резкого, разрывающего движения. Боль пронзила её, острая и унижительная. Она зажмурилась.

«Я сказал, смотри!» – он одной рукой держал её за волосы, заставляя поднять голову, а другой вцепился в её бедро, контролируя каждый ее поворот. Она смотрела на их отражение – на её тело, изгибающееся в немом крике, на его мощную спину, на ее собственные глаза, полные слез от отчаяния. Это был не секс. Это было изнасилование.

– Мне... – её голос был хриплым шепотом, – мне нравилось... все

Она не могла выговорить эту ложь. Горло сжалось.

Джисон улыбнулся. Это была медленная, довольная улыбка хищника, который знает, что добыча у него в лапах.

– Не можешь сказать, глупышка? Ничего. Мы вернём тебе эти воспоминания. Оживим их. Вместе.

Джисон сделал шаг к ней, и Света, к своему собственному ужасу, почувствовала, как по её спине пробежал ледяной, предательский трепет. Не желания. Нет. Предвосхищения новой боли и насилия.

Но глубоко внутри, под слоями страха и отчаяния, там, где когда-то жила балерина, способная выдерживать нечеловеческие нагрузки, шевельнулось что-то твёрдое. Острый, как бритва, осколок ненависти к этому мужчине, к тому, что он делал до и сейчас.

Джисон повернулся к морю, к огням Чеджу, давая ей понять, что аудиенция окончена. Его последние слова повисли в воздухе, словно ядовитый туман:

– Завтра, моя Стелла, мы начнем все с чистого листа. Вернее, я снова буду тебя учить и... мы поговорим о том, что случилось. И ты будешь умолять меня, чтобы я оставил в живых... этого ублюдка, доктора. Теперь ты будешь молиться одному Богу – мне.

Глава 6

Воздух в полицейском участке вобрал в себя запахи пота, дешёвого кофе, отчаяния и бюрократической безнадеги. Минхо, ворвавшийся сюда с окровавленными костяшками и дикими глазами, чувствовал себя чужим в этом забетонированном аду.

Он выпалил свою историю, запинаясь, путаясь в деталях, но суть была ясна: похищение, Хан Джисон, чёрный внедорожник, жизнь двух невинных людей в смертельной опасности.

Начальник участка, инспектор Пак, человек с лицом, напоминающим смятый конверт, слушал его, лениво покачиваясь в кресле. Он не перебивал, лишь изредка покручивал в пальцах дорожную ручку – подарок от одного из местных бизнесменов, чьи интересы он иногда «регулировал».

– Понимаете, они просто увезли их! Силой! Я видел! – голос Минхо сорвался на высокой ноте, в нём звучала почти детская беспомощность.

Инспектор Пак тяжело вздохнул, как бы сожалея, что его отвлекли от важных дел вроде изучения котировок акций.

– Молодой человек, – он отхлебнул кофе, – Ли Минхо, да? Танцор. Я вас узнал. У вас богатое воображение, это известно. Но Хан Джисон... – он свистнул, сделав театральную паузу. – Это столп нашей экономики. Благотворитель. Ваши обвинения... это не просто клевета. Это самоубийство. Нет, мы не свяжемся.

Он отмахнулся, словно от назойливой мухи, и потянулся к стопке бумаг. Разговор был окончен.

В этот момент дверь в кабинет была приоткрыта. За ней стояла молодая женщина в полицейской форме, которая сидела на своем рабочем месте в общем зале. Она принесла доклад и замерла на пороге, услышав фамилию «Хан Джисон». Полицейскую звали Со Ёнджин.

И пока инспектор Пак произносил свою трусливую отповедь, мир для Ёнджин сузился до точки. Голос Минхо, его отчаянные слова: «...её унижали, он контролирует каждый её шаг, он похитил её и доктора...» – вонзились в её память, как раскалённые иглы.

Воспоминание нахлынуло внезапно и безжалостно, смывая полицейский участок и перенося её в душную ванную комнату их старой родительской квартиры. Ей снова десять. Она прижалась к холодной кафельной стене, пытаясь стать меньше, невидимкой. Сквозь дверь доносился пьяный рёв отчима и плач матери.

«Молчи, тварь! Всё равно тебе никто не поверит! Я – хозяин в этом доме! Мне всё дозволено!»

Затем скрип открывающейся двери. Его тяжёлое дыхание. Запах перегара и пота. Его глаза, стеклянные от содзю и вседозволенности. ЕГО пальцы... Черт, нет, только не это! Он был для Ёнджин тем самым «богом», который мог всё. Унизить. Ударить. Заставить замолчать. И самое страшное – абсолютная уверенность в своей безнаказанности. Отчим – прокурор, уважаемый человек. «Богатый засранец из нашего района», – шептали потом соседи, но в участок, конечно, никто не пошёл. И никто не мог защитить маленькую Ёнджин, которая рисовала только черно-белый мир с кровью.

Ёнджин вздрогнула, отброшенная в настоящее. Её пальцы так сильно сжали край планшета, что костяшки побелели. Она смотрела на Минхо, но видела другое – испуганную девочку в ванной. Она слышала про Свету, но слышала эхо собственного детского голоса, полного страха и беспомощности.

Хан Джисон. Это был не просто чеболь. Это был тот архетип абыюзера, социопата, который мог рушить жизни и забирать душу со всеми потрохами. Тело можно было вылечить, но как восстановить сердце, которое монстр пожирает? Олицетворение того самого «богатого засранца», который считал, что мир – его личная игровая площадка, а люди – пешки. Тот же взгляд вседозволенности, что у её отчима, только умноженный на миллиарды вон и безграничную власть.

И тут в её сознании щелкнуло. Школа-пансион «Академия Сонгём». Элитное заведение, где учились дочери самой могущественной элиты страны, включая мать Джисона. Ёнджин втихаря копала эту историю месяцами. Исчезновения. Странные смерти, списанные на несчастные случаи или суицид. Девочки, которые будто проваливались сквозь землю, а их богатые семьи предпочитали не шуметь, опасаясь скандала. Слишком много совпадений. Слишком много страха в глазах тех, кто хоть что-то знал.

История Светы не была для неё просто очередным делом. Она была её личной болью, вывернутой наизнанку. Зеркалом, в котором Ёнджин увидела себя, не сломленную, но искалеченную.

Инспектор Пак, заметив её в дверях, нахмурился.

– Детектив Со, вам что-то нужно?

Ёнджин вошла. Её шаги были четкими, твердыми. Она проигнорировала Пака и обратилась к Минхо. Её голос был низким, ровным, но в нём чувствовалась стальная пружина, готовая распрямиться.

– Мистер Ли, – сказала Ёнджин, и её глаза, тёмные и горящие, встретились с его полными отчаяния. – Я вас слышала. Пройдите ко мне. Расскажите всё ещё раз. С самого начала.

Она видела панический взгляд инспектора Пака, его безмолвный протест. Но её собственная ярость, холодная и отточенная годами молчаливого наблюдения за несправедливостью, была сильнее. В истории Светланы и доктора Ки Чхана она увидела не просто похищение. Она увидела нить, которая могла привести её к «Академии Сонгём». К разоблачению системы, которая порождала таких, как Джисон, и таких, как её отчим.

Она проводила Минхо к своему скромному столу, заваленному папками. Одна из них, ничем не подписанная, лежала сверху. В ней были фотографии, старые газетные вырезки и конспекты по делу «Академии Сонгём».

– Говорите, – тихо приказала она Минхо, открывая блокнот. Ее рука не дрожала. – И не упускайте ни одной детали. Для кого-то это дело о похищении. Для меня это охота. И я намерена дойти до конца.

Глава 7

Минхо привёл Со Ёнджин в маленький домик Ки Чхана и Светы, обычно наполненный запахом соленого бриза, апельсинов и сушеной лаванды, но сегодня воздух в этом гнездышке уюта был густым от напряжения. После похищения дом стоял пустым и проклятым, но теперь, с возвращением Минхо и появлением детектива Со Ёнджин, в нем снова затеплилась жизнь – тревожная, полная отчаянной надежды.

Они сидели на полу в гостиной, вокруг низкого стола, где еще оставалась засохшая кровь Ки Чхана. Ёнджин, переодетая в простые джинсы и свитер, казалась хрупкой девушкой, а не серьёзным и готовым на все детективом. Но ее профессиональный взгляд, твердый и аналитический, скользил по деталям быта – по парным чашкам, по засохшему букетику полевых цветов, по фотографии Светы и Чхана на фоне океана. Улыбки, счастье. Семья – то, чего не было у самой Ёнджин.

– Он... Джисон вел себя как хозяин, – говорил Минхо, его голос был хриплым от бессонницы. – Как будто зашел в свою собственную квартиру. И даже хуже... Не торопился. У него было... все время в мире.

– Потому что он и чувствовал себя хозяином, – тихо ответила Ёнджин. – Это его территория. Не этот дом, а сама Светлана. Ее страх. Ее жизнь. Он вернулся за своей собственностью.

В этот момент в дверь постучали. Легко, почти несмело. Минхо вздрогнул, но Ёнджин жестом велела ему оставаться на месте. Она выглянула в боковое окошко.

– Пожилая женщина, – сообщила она. – С корзинкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.